

УДК 81'367: 821.11 – 1.653.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА «COGITO RISIBILE» В ТЕКСТАХ ФАБЛИО

Вышенская Ю. П.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: clemence_isaure@rambler.ru*

В статье исследуются процессы формирования стиля в тексте художественного поэтического произведения эпохи перехода европейского Средневековья к Возрождению (XIV–XV вв.). Понимание категории поэтического стиля как дискурсивного феномена обуславливает выстраивание основы методологической базы на фундаменте положений концепции широких и узких дискурсов. В настоящей статье широкий дискурс интерпретируется как метадискурс средневековой культуры, узкой модификацией которого выступает литературный французский дискурс. Собственно лингвистические проблемы изучаются во взаимодействии с внеязыковыми факторами: урбанизацией и возникновением буржуазии. Отсутствие в буржуазной литературе строгих условностей, присущих литературе куртуазной, способствует утрате куртуазной возвышенности и обретению жанровой системой разнообразия. В качестве эмпирического материала привлекается корпус примеров, собранных в произведениях жанра фаблио. Процесс формирования стиля рассматривается на примере становления стилистической техники «cogito risibile» («познавательно смеховое»), присущей произведениям «карнавализованных» жанров.

Ключевые слова: дискурс; «карнавализованный» жанр; текст; стилистическая техника; «cogito risibile».

ВВЕДЕНИЕ

Корпус примеров, зафиксированный в текстовом материале произведений, принадлежащих к средневековому буржуазному сегменту французского узкого литературного дискурса, представляет интерес для анализа формирования набора характеристик процесса стилегенерации.

Обособление буржуазного литературного сегмента диктовалось необходимостью удовлетворения эстетических вкусов соответствующего общественного класса, развивавшегося пропорционально развитию городов. В XII–XIII вв. города во Франции, как и повсюду в Европе, превращаются в центры культуры: эшевены богатых городов Франции нанимали на службу профессиональных писателей, устраивали драматические представления, поэтические конкурсы. В среде литературных вкусов читательской аудитории XIII в. наблюдается тенденция к сближению: поклонники фаблио появляются среди представителей рафинированной публики, а куртуазные поэмы и романы одновременно обретают почитателей в среде буржуазии [6, с. 30].

Отсутствие в рамках новой литературы строгих правил, существовавших в литературе куртуазной, влекло за собой смену куртуазной стилистической изысканности буржуазной безыскусностью. Жанровая система заметно обогащалась новыми элементами, на фоне которых наибольшей репрезентативностью отличается жанр фаблио.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенность системы стилистических приёмов в «карнавализованных» жанрах

Взаимоотношения фаблю с прочими повествовательными жанрами эпохи (авантюрно-фантастической повестью (лэ) и рыцарским романом), как отмечает А. Д. Михайлов [2, с. 5], выстраивались по типу взаимодействия, что вписывается в современную концепцию узких и широких дискурсов, принимаемую в рамках настоящего исследования. Тем самым обуславливалось вовлечение жанра фаблю в «динамичную, постоянно меняющуюся, но в каждый конкретный момент самозамкнутую систему» [2, с. 5].

Жанр фаблю превращается в систему благодаря наличию внутрижанровых разновидностей, взаимодополняющих друг с другом. Таким образом, взаимодействие с другими жанрами обретает системный характер. В сфере стилепорождения системность проявляется в формировании некоего ряда жанровых ограничителей (канонов), во многом способствующих становлению стилистической техники «*cogito risibile*». Ирония, наделяемая статусом ведущего приёма указанного типа техники, используется в «карнавализованных» пародийных жанрах для конструирования «перевернутого мира».

Условием возникновения пародии, согласно точке зрения А. А. Морозова, является существование «второго плана» (контрастирующего фона). В результате сопоставления с ним возникает «отчётливо ощущаемый» эффект «контрастирующего отношения к [пародируемому]», который нарушает или разрушает привычное восприятие [3, с. 6]. Отсутствие у жанра пародии самостоятельности, по наблюдениям А. Д. Михайлова, составляет его особенность. Средневековая пародия, в отличие от современной своей разновидности, существует как дополнительное качество в различных жанрах, обретая в каждом конкретном случае специфические характеристики [2, с. 5].

Фаблю, являясь пародийной модификацией, представляет собой небольшое, предназначенное для развлечения произведение в стихотворной форме, характеризующееся незамысловатостью стиля и версификационным рисунком.

Взаимосвязь процессов стилепорождения и смехового мировоззрения

Значительная часть фаблю относится к типу коротких анекдотов, сконструированных на основе простой игры слов, что способствует эффекту недопонимания и двусмысленности. Иной тип представлен назидательным рассказом, иллюстрирующим некую народную мудрость, интерпретируемую по принципу обратности.

Одним из ярких примеров фаблю такого типа является произведение «*Brunain, la vache au grêtre*» («Бурёнка») с незатейливым сюжетом, своеобразно трактующим известную поговорку «*Qui donne à Dieu s'enrichit*», использованную сельским кюре во время проповеди:

«D'un villain conte et de sa fame, / C'un jour de feste Nostre Dame / Aloient ouer à l'yglise. / Et dist qu'il fesoit bon doner / Por Dieu, qui reson entendoit; / Que Dieu au double li rendoit / Celui qui le fesoit de cuer» [7].

Вот был про одного виллана. / В день Приснодевы, утром рано, / Пошёл с женой он в Божий храм. / С амвона начал службу там / Поп начал паству наставлять: / Мол Бога надо одарять, / Чтоб не была молитва лишней; / Вознаградит вдвойне всевышний, / Коль дар от сердца принесён) [4, с. 318].

Вняв наставлениям священника, крестьянин принимает решение отдать ему единственную в хозяйстве корову по имени *Vlerain* (“Белянка”), принимаемую тем с большой охотой. Спустя некоторое время принесённая в дар корова возвращается домой и приводит с собой в хлев корову по имени *Brunain* (“Бурёнка”), с которой была связана одной верёвкой: таким образом народное изречение воплощается в жизнь.

Текст фаблю демонстрирует богатство примеров применения техники *cogito risible*, во многом основывающихся на принципе обратности. Действие этого принципа наблюдается, например, в перифразе французских пословиц, располагающихся в композиционно значимых позициях, знаменующих сюжетные повороты. Фаблю открывается инициальной формулой *C'un jour de feste Nostre Dame* (Однажды, в день праздника Девы Марии), характерной для фольклорного стиля, подвергаясь некоторой корректировке согласно календарю церковных праздников, что придаёт повествуемым событиям известную достоверность.

Пословица, используемая в речи наказанного за корыстолюбие кюре, с целью придать проповеди большую весомость, подхватывается в следующем эпизоде беседы крестьянской четы:

«Os, fet li villains, bele suer, / Que noz prestres a en couvent: / Qui por Dieu done à escient, / Que Diux li fet mouteploer / Miex ne pons-nous employer / No vache, se bel te doit ester. / Que pour Dieu le douons le prestre; / Ausi rent-ele petit lait» [7].

«Жена, смекаешь? Поп умён! – / Виллан промолвил. – Ей-же-ей, / Даруй по совести своей, / И Бог добро твоё умножит. / Пожалуй, пригодиться может / Корова наша в дар для Бога, – / Ведь молока даёт немного / И нам не больно-то нужна. / – Ну что ж! – отозвалась жена. – / Отдать Белянку я согласна» [4, с. 319].

Этот диалог представляет собой перефразы пословицы, услышанной в проповеди, преобразованной сообразно разговорному регистру, о чём свидетельствует разговорное обращение *bele suer*. Поддавшись увещаниям настоятеля, крестьянин предлагает жене расстаться с единственной в их хозяйстве коровой.

В следующем эпизоде, когда корову передают в дар кюре, та же пословица предстаёт в усечённом варианте. Появившийся неполный вариант имеет много общего с божбой, что позволяет рассматривать его как стилистическую примету, близкую выделенным М. М. Бахтиным «площадным» жанрам:

«Biaus Sire, fet-il à mains jointes, / Por l'amor Dieu (выделено мной. – Ю. В.) Blerian vous doing / Le lien li a mis el poing, / Si jur à que plus n'a d'avoir» [7].

«Виллан с мольбой к нему: – Отец! / Примите Богу в дар, коровку. – / И он отдал попу верёвку» [4, с. 319].

Использование перефразированной поговорки в каждом законченном сюжетном эпизоде через примерно равные сюжетные интервалы задаёт движению сюжета размеренный ритм, являясь связующим звеном сюжетных кадров и одновременно их смысловым ядром.

Фаблю увенчивается характерной для этого жанра моралью, в основу которой положена иная заимствованная из резервуара народной мудрости поговорка:

«Par exemple dist cis fabliaus / *Que fols est qui ne s'abandone* (выделено мной. – Ю. В.); / Cil a li muce et enfuet; / Nus hom mouteplier ne puet / Sans grant éur, c'est or del mains / Par grant éur ot li villains / Il vaches, et li prestres nule. / Tels cuide avancier qui recule» [7].

«В моём рассказе всем урок: / Не пожалев даянья Богу, / Приобретает умный много, / А глупый терпит неудачу, / Своё добро копя да пряча. / Как видите, совсем неожиданно / Две коровёнки у виллана, / А поп корову потерял: / Мнил выиграть – ан проиграл» [4, с. 320].

Реприза народной мудрости *Que fols est qui ne s'abandone* становится особенно заметной на фоне морфологической однородности в сфере использования грамматического времени *Passé Simple*, переносящего реципиента в условную плоскость художественной действительности. Посредством использования *Present de l'Indicatif* подчёркивается универсальный вневременной характер ситуации: безграничности присущих человеческому существу жадности и глупости, подлежащих наказанию.

Интерес представляет синтаксический стилистический уровень процитированного текстового фрагмента, в котором важное место отводится эмфазе *Que fols est qui ne s'abandone*, направляющей внимание читателя, удерживаемое посредством параллельных конструкций *Sans grant éur, c'est or del mains / Par grant éur ot li villains*. Ритмика на фонетическом стилистическом уровне возникает в результате использования конечных рифм *enfuet – puet, mains – villains, nule – recule*, что придаёт стилю упругость.

Таким образом, ведущим стилистическим приемом в рассмотренной разновидности фаблио является реприза народной поговорки.

Стилистическая техника средневековой сатиры

Особое место в городской литературе французского буржуазного литературного дискурса, занимает стихотворная сатира о «Le Pays de Coganne», созданная по образцу французского фаблио XIII в. Название выдуманной страны, часто передаваемое на русский язык посредством транслитерации («Фаблю про Кокань», «Сказ про Кокань»), существует также и в редко используемом варианте «Страна Пирожков», отражающем этимологию мифического топонима.

Необычайная популярность «Le Pays de Cognaç» в средневековье подтверждается наличием различных его версий во всех средневековых западноевропейских литературах. Земля Пирожков, согласно формулировке академика М. П. Алексева, представляет собой блаженный рай, где текут молочные, винные и медовые реки, монастырская обитель «окружена валом из паштета и стеной из пудинга» [1, с. 129–130]. Жители той страны, ни в чём не испытывая недостатка, предаются беспрестанным трапезам и продолжительному сну. Образ волшебной страны, царства вечной весны, в которой нет необходимости «работать, ...[и] можно много спать» [5, с. 262] возникает как трансформация легенды о Золотом веке, обретающая с шуточные, пародийные черты [там же].

Стиль выделенной жанровой разновидности формируется под непосредственным влиянием со стороны доминирующего мировосприятия – крепнущего игрового мировоззрения. Отбор стилистических средств определяется принципом обратности. Ведущим стилистическим приёмом техники *cogito risibile*, также выступает ирония, реализующаяся в создании перевернутого мира, параллельной действительности, доминанты гротескного реализма.

Отторгаясь от серьёзных жанров, жанр фэблио использует найденные ранее стилистические решения и находки, приспособливая их сообразно своей жанровой специфике. Отсутствие характерного для стихотворных новелл деления пространства на «своё» и «чужой» составляет примету «пирожкового» топоса.

Конструирование хронотопа мифической страны осуществляется с опорой на превалирующие гастрономические образы. Городской пейзаж Страны Пирожков статичен, представляет собой описание, не предполагающее дальнейшего развития действия. Так, накрытые белыми скатертями столы выступают константой городского топоса:

«Par les chemins et par les voies / Treuve-l'en les tables assises, / Et desus blanches napés mises» [8].

На дорогах и улицах / Стоят накрытые белыми скатертями столы
(перевод наш. – Ю. В.).

Можно отметить некоторое стилистическое сходство этой части фэблио с книгой кулинарных рецептов:

«De bars, de saumons et d'aloise / Sont toutes les mesons encloses; / Li chevron i sont d'esturgons, / Les couvertures de bacons, / Et les lates sont de saussices. / Moult a où païs de delices, / Quar de hastes et de courz os / I sont li blé trestuit enclos; / Par les rues vont rostissant / Les crasses oes vont tournant / Nout par eles, et tout adès / Les suit la blanches aillie après» [8].

Стены домов в стране той сделаны из окуней, лососей и сельди; / Крыши у домов тех из осетров, а кровли из сала, / Стропила же там из сосисок, / Изобильна страна та разной снедью, / Потому что жарким и ветчиной покрыты там поля пшеницы, / На улицах там поджариваются гуси, которые сами вращаются на вертелах, / И сами себя поливают они белым соусом с чесноком (перевод наш. – Ю. В.).

Таким образом, мир в воображаемой стране, рае для гурманов (в противоположность символическому миру куртуазного универсума) наполняется ароматами только что приготовленных блюд, «нагревается» до определённой температуры, обретает цвет, рекомендуемый рецептурой.

Стилистическая генетика «очевидной гиперболизации обжорства и физических наслаждений, изображения жирной и вкусной пищи» непосредственным образом, как указывает Л. С. Чеколини, связана с «изобилием... в домах правителей, аристократов и богачей» [5, с. 266]. С другой стороны, эта гипербола является «откликом» на средневековую реальность, где бедного человека постоянно подстерегала опасность голодной смерти. Это обстоятельство становится импульсом к созданию образа страны изобилия, в которой нет необходимости заботиться об удовлетворении голода.

В рамках гротескного реализма получают преломление иные константы пейзажа куртуазного универсума, а также реального городского пейзажа:

«Ausi come en cest país font: / C'est fine véritez provée / Qu'en la terre benéurée / Cort une riviere de vin» [8].

А ещё в стране той; / И это чистая правда, / В стране счастливой / Течёт река из вина (перевод наш. – Ю. В.).

Здесь заметно сходство с реальными городами-республиками, которые возникали, как правило, на берегах рек, позволявших вести торговлю. Образ реки в куртуазном пространстве – преграда или знак предстоящего испытания, в пространстве же фавлю река – путь к обогащению, процветанию. Реки в Стране Пирожков являют собой артерии, наполненные не водой, а отменным вином:

«Cele riviere que je di / Est de vin vermeil jusqu'emmi / Du meilleur que l'en puist trover / En Biaune, ne de là la mer; / Et d'autre part est de blanc vin / Le meilleur et tout le plus fin / Qui onques créust à Auçuerre, / A Rocele, ne à Tonnerre» [8].

В той реке, о которой я речь веду, / Течёт красное вино прекраснейшего качества, / Какое только можно сыскать в Боне и за морем, / А в другом притоке вино белое течёт / Изысканнейшего и тончайшего вкуса, / Какое никогда не видывали ни в Оксерре, ни в Ла Рошели, ни в Тонерре (перевод наш. – Ю. В.).

Как видим, для убедительности упоминаются французские провинции, традиционно славящиеся винодельческими традициями: Biaune, Auçuerre, Rocele, Tonnerre.

Ощущение безмятежности, царящей в волшебной стране, достигается на морфологическом уровне ограниченностью глагольного ряда. Эта ограниченность проявляется не только в числе составляющих элементов, но и в отсутствии разнообразия в наборе грамматических времён, ограниченном Present de l'Indicatif.

В соответствии с принципом обратности изображается и социальное устройство параллельного мира, где царит утопическая свобода. Подданным Страны Пирожков предоставляется выбор меню и способ приготовления блюда:

«Si puet-l'en et boire et mangier / Tuit cel qui veulent sanz dangier, / Sanz contredit at sanz deffense / Prent chascuns quanque son cuer pense / Li uns poisson, li autres char, / S'il vooit chargier un char, / Si l'auroit à son talent; / Char de cerf od'oyselu volant / Qui vuet en pot» [8].

«Здесь могут выпить и поесть все, кто пожелает, / И совершенно свободно, не зная возражений и запретов, / Каждый берёт здесь всё, что захочет: один рыбу, другой мясо, / И если кому вздумается нагрузить едой целую повозку, / Он сможет это сделать в своё удовольствие; / Мясо оленя или птицы здесь можно получить и в жареном виде, и в варёном» [2, с. 327].

Ряд пословиц и поговорок, используемых в этом фаблио, наделены несколько иной (по сравнению с выше рассмотренным фаблио «Brunain») ролью в формировании стилистического узора:

Qui plus i dort, plus i gaaigne: / Cil qui dort jusque'à midi, / Gaaigne cinc sols et demi.

Кто дольше спит, тот больше получает. / Тот получает пять с половиной солей (перевод наш. – Ю. В.).

Prent chascuns quanque son cuer pense.

Каждый ест столько, сколько душе угодно (перевод наш. – Ю. В.).

Niert destornex, jel'sai le voir, / Ainz en prent tout à son voloir.

Никто не задумывается, видел сам, / Беря всё по своему желанию (перевод наш. – Ю. В.).

Народная мудрость выступает как регулятор порядка жизни, однако, согласно принципу колеса, в перевёрнутом мире «переворачивается».

Во многом правдоподобность повествования достигается посредством использования личного местоимения первого лица *je*, что создаёт иллюзию личного участия повествователя в описываемых событиях.

Использование принципа обратности наблюдается также в создании перевёрнутого календаря, регулирующего членения хроноса в стране фантазии на структурные единицы, прообразами которых выступают реальные календарные константы. Стилистический ход подобного рода, очевидно, обусловлен характерным для карнавального мышления отсутствием собственного текста, вынуждающим его заимствовать с последующим выворачиванием наизнанку:

Six semaines a en un mois / Et quatre Pasques a en l'an, / Et quatre festes saint Jehan, / Et s'a en l'en quatre vendenges, / Toz jors festes et diemanches / Quatre Toa-Sainz, quatre Noex, / Et quatre Chandeliers anuex, / Et quatre quaresmiaux-prenanz [8].

(В месяце шесть недель, / И в году четыре Пасхи, / Четыре праздника урожая, / Все дни там праздничные и воскресные, / Четыре Дня всех Святых; / Четыре Рождества / Четыре Сретенья ежегодно (перевод наш. – Ю. В.).

Жизнь в стране настолько хороша, что для наслаждения ею продолжительность периодов отдыха и развлечений увеличивается. Так, месяц в «перевернутом» календаре насчитывает шесть недель, состоящих исключительно из праздничных дней и воскресений (*Naz jurs festes et diemanches*).

Принцип колеса используется также и в «переворачивании» церковного календаря праздников, в своего рода календарном «уплотнении»: *Pasques* (Пасхи), *Saint Jehan* (святого Иоанна), *Toz-Sainz* (Дня всех святых), *Noex* (Рождества), *Chandeliers* (Сретения), *quaresmiaux* (Жирного вторника), сопровождавшихся в реальной жизни увеселениями и освобождением от работы. Традиционное деление года на четыре сезона, каждый из которых связан с определённым праздником, в «перевернутом» хроносе иллюзорно. «Перевернутый» календарь в Стране Пирожков представляет собой четырёхкратное повторение блока значимых для реальной церковной жизни событий.

Представляет интерес раскрытие стилистического потенциала морфологической категории числа имени существительного. Вопреки общему правилу морфологическая валентность астрономических хрононимов стилистически нарушается: хрононимы используются в не свойственной им форме множественного числа, не утрачивая при этом формальный показатель принадлежности к классу имён собственных.

Важную роль в организации волшебного хроноса получает известная поговорка *ce que Dex li done*:

«*Dés le matin jusqu' après none / Mangeu ce que Dex li done*» [8].

С утра до полудня / Все едят то, что ниспослано свыше (перевод наш.

– Ю. В.).

То есть время утренней трапезы удлиняется до полудня для вкушения обильной пищи, дара свыше. Данный пример можно рассматривать как стяжение значением грамматического времени *Present de l'Indicatif*, обозначающего действие регулярного характера. Действия, выраженные в *Present de l'Indicatif*, имеют циклический характер:

«*Encore i a autre merveill, / C'onques n'oïstes sa pareille, / Que le fontaine de Jovent / Qui fet rojovenir la gent*» [8].

А ещё есть одно чудо, / Которому нет равных, – / Фонтан с живой водой; / Искупавшись в нём, люди вновь обретают молодость (перевод наш. – Ю. В.).

Фонтан с живой водой – заимствованная фольклорная деталь – являет собой характерную приметку городского «перевернутого» пейзажа.

Важное место в создании «перевернутой» цикличности занимает использование аффиксов. Так, наличие префикса *ro-* со значением повторно совершаемого действия в морфологическом составе представленного в цитате глагола *rojovenir* способствует созданию эффекта циклической обратности художественного хроноса, замкнутости на самом себе движения временного течения. Так воплощается в тексте мечта о возможности обрести вечную молодость, изменить ход времени.

Благодаря однородности ряда грамматических времён, в рамках стилистической канвы анализируемого фаблио создаются ассоциации с живописной техникой, выработанной в искусстве миниатюры, что обусловлено средневековым восприятием пространства и техникой его перенесения на холст, дерево, пергамент. Использование времени Present de l'Indicatif в значении «констатация факта» способствует созданию обширной панорамы одновременно происходящих событий. Глагольный ряд небогат собственно глаголами действия, благодаря чему формируется атмосфера статичности.

Стилистическое использование грамматического времени Present в разных модификационных формах варьируется. Глаголы этой группы времён в фаблио «Brunain» образуют ядра последовательно сменяющих друг друга эпизодов. В фаблио «C'est li Fabliau de Coquainge» наблюдается принципиально иной эффект, производимый этой группой, который заключается в возникновении впечатления одновременности действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ стиля произведений старофранцузских фаблио на основе привлечения концепции узких и широких дискурсов позволяет выявить некоторые особенности процессов формирования художественного стиля в городском сегменте французской литературы, определяемой спецификой внутри- и внеязыковых факторов, тесным образом переплетающихся между собой. Жанр фаблио, принадлежа к «карнавализованным» жанрам, обособляется на основе пародии, не в Средневековье еще не существовавшей в виде самостоятельного жанра, но проявлявшейся во всех жанрах европейской литературы. Пародийность обуславливает извлечение из каталогов тропов и фигур средневековой риторики иронии с последующим обретением этим тропом приоритета в рамках текстового пародийного целого.

Возведение текстовой конструкции осуществляется сообразно принципу обратности, основного для смехового мировоззрения и стилистической техники cogito risibile. Таким образом обуславливается тематическая детерминированность выбора пословиц и поговорок для конструирования «перевернутого» мира, в котором время и пространство также существуют сообразно «перевернутым законам», воплощаемым на основе уже имеющихся стилистических решений и находок, полученных на предшествующих этапах эволюционного движения категории художественного стиля.

Список литературы

1. *Алексеев М. П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. – М.: Высшая школа, 1984. – 351 с.
2. *Михайлов А. Д.* Старофранцузская повесть «фаблио» и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. – М.: Наука, 1986. – 349 с.
3. *Морозов А. А.* Русская стихотворная пародия // Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.). – Л.: Советский писатель, 1960. – С. 5–88.
4. О Бурёнке, поповской корове // Хрестоматия по литературе средневековья. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 318–320.

5. Чеколини Л. С. Социальная утопия в Италии XIII – начала XVII в. – М.: Наука, 1980. – 391 с.
6. Castex P., Surer P. *Manuel des Études Littéraires Françaises. Moyen Age.* – Paris: Hachette, 1946. – 88 p.
7. Brunain, la vache au prêtre – Режим доступа: [https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_\(ancien_francais\)](https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_(ancien_francais)) (Дата обращения: 24.02.2023).
8. C'est li Fabliau de Coquainge – Режим доступа: https://nymelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML_00GOO010137001100116107 (Дата обращения: 24.02.2023).

References

1. Alekseev M. P. *Literatura srednevekovoj Anglii i Shotlandii* [English and Scottish Medieval Literature]. Moscow, Vysshaya shkola, 1984. 351 p.
2. Mihajlov A. D. *Starofrancuzskaya povest' «fablio» i voprosy specifiky srednevekovoj parodii i satiry* [Old French Story «fabliau» and the Medieval Parody Issues]. Moscow, Nauka, 1986. 349 p.
3. Morozov A. A. *Russkaya stihotvornaya parodiya* [Russian Poetic Parody]. *Russkaya stihotvornaya parodiya (XVIII – nachalo XX v.)*. Leningrad, Sovetskij pisatel', 1960, pp. 5–88.
4. *O Buryonke, popovskoj korove* [About Brunain, the Priest's Cow] // *Hrestomatiya po literature srednevekov'ya*. T. 2. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2003. pp. 318 – 320.
5. Chekolini L. S. *Social'naya utopiya v Italii XIII – nachala XVII v.* [Social Utopia in Italy of the XIII – the beginning of the XIV century]. Moscow, Nauka, 1980. 391 p.
6. Castex P., Surer P. *Manuel des Études Littéraires Françaises. Moyen Age.* Paris: Hachette, 1946. 88 p.
7. *Brunain, la vache au prêtre.* – Available from: [https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_\(ancien_francais\)](https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_(ancien_francais)) (accessed 24 February 2023).
8. *C'est li Fabliau de Coquainge.* – Available from: https://nymelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML_00GOO010137001100116107. (accessed 24 February 2023).

STYLISTIC TECHNIQUE «COGITO RISIBILE» IN FABLIAUX TEXTS

Vyshenskaya Yu. P.

The paper aims at the cycle of matters touching upon the problems of style generating in the text of a literary poetic work written in the epoch of transition the European Middle Ages to Renaissance. The fact of interpretation of the poetic style category as a discursive phenomenon causes the constructing of the investigating methodology of the basis of the universal and particular discourses conception. The universal discourse is interpreted as a metadiscourse of the medieval culture. The particular one is presented by its literary modification. Linguistic problems are studied as interacting with extra-linguistic factors, namely, urbanization and the bourgeoisie appearing, with making works of literature to satisfy its aesthetic demands. The absence of strict canons in the modification stimulates the loss of the style courtois loftiness as well as the genre system versatility. As the empirical material one refers to the examples found in the works of the fabliau genre as a «carnivalized» genre, a part of a bourgeois segment of the French literary particular discourse. The process of the style generating is considered on the instances of forming of the style technique «cogito risibile», proper to the «carnivalized» genre.

Key words: «carnivalized» genre; discourse; text; stylistic technique; «cogito risibile».